

АКТУАЛЬНЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ПИДЖИНЫ И КРЕОЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Н.Ф. Михеева

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В данной статье идет речь о возникновении новых разновидностей языков — пиджинов и креольских языков, об их статусе, различиях и перспективах развития.

Ключевые слова: разновидность языка, пиджин, креольский язык, язык-лексификатор, базилект, стандартизация.

Так же, как и многие страны сегодня могут быть описаны как «развивающиеся», подразумевая, что они бурно развиваются в сфере экономики и образования, обычно по западному стилю, многим языкам на планете сегодня можно присвоить статус «развивающихся языков». Это означает, что они еще должны реализовать полностью свой «лингвистический» потенциал.

При этом нам бы хотелось подчеркнуть, что, несмотря на часто негативную реакцию со стороны даже самих говорящих на этих пиджинах и креольских языках, у них есть потенциал выполнить полный объем функций, присущих «развитым» языкам. К сожалению, во многих странах, где большинство населения говорит на креольском языке, все функции государства выполняются на других языках. Конечно, это резко ограничивает возможности большинства населения участвовать в принятии решений на государственном уровне. Х. Девонш, старый приверженец использования креольского языка в качестве официального в Карибской зоне, писал еще в 1986 г.: «...демократия не может быть сведена к трем минутам голосования у избирательных урн каждые 5 лет. Демократия, как это часто бывает в этих странах, „блокирует“, при многообразии языков, доступ носителей креольских языков к информации относительно политических событий и решений, от которых зависит их жизнь... Политическая элита в этих странах не полностью отдает себе отчет в существовании „лингвистических“ проблем, которые существуют при их общении с народом. Вероятно, они осознают коммуникативную „брешь“ и манипулируют этим в своих собственных интересах».

Обратимся к рассмотрению пиджинов и креольских языков.

Пиджины и креольские языки почти всегда имеют низкий статус, даже когда они являются языками большинства. Обычно в обществах, в которых говорят на пиджине или креольском языке, присутствует ситуация диглоссии. В диглоссных ситуациях один язык («высший») будет выполнять все «важные» функции: государственное управление, образование и «высокая» культура (включая художественную литературу). «Низший» язык — в нашем случае пиджин или креольский язык — будет использоваться для других функций, связанных с общением в семье и церкви. При этом элита может сузить даже эти функции пиджина / креольского языка, отдавая предпочтение «высокому» языку во всех функциях. Общество целиком способно рассматривать пиджин или креольский язык как язык низших стратов и прибегать к нему лишь в редких случаях, что резко ограничивает его в функциональном отношении.

Безусловно, вопрос статуса тесно связан с вопросом, кто властвует в отдельно взятом обществе, где говорят на пиджине или креоле. Это те люди, у кого в руках власть и кто определяет, что является «стандартом», а что — низшей формой. В колониальные времена колонизаторы и местная элита определяли стандартный язык страны-завоевателя как норму, а местные языки, включая пиджины и креолы, — как низшие или субстандартные языки. Завоеванная многими странами независимость «смела» прежние элиты, но в большинстве случаев это никак не повлияло на статус пиджинов или креолов. Даже там, где появились положительные изменения в статусе развивающихся языков, часто это не приводило к практическим результатам, что могло быть благодаря власти, поддерживаемой новой элитой, которая могла «комфортно» использовать стандарт как язык-лексификатор. Они вполне могли иметь интерес в том, чтобы большинство населения было безграмотным, что позволяло первым контролировать доступ последних к национальным достижениям и институтам.

Перейдем к анализу проблемы дистанции.

Под дистанцией здесь мы понимаем восприятие двух языков как отдельных единиц, с «расстоянием» между ними, о чем свидетельствуют существенные различия в словаре и грамматике. Например, голландский и немецкий, хотя тесно связаны (достаточно дистанцированы друг от друга), признаются разными самостоятельными языками.

С другой стороны, значительные совпадения, особенно в словаре, типичны для креольских языков, которые тесно контактируют со своими языками-лексификаторами.

При этом можно встретить точку зрения на креол как на диалект языка-лексификатора; однако по причине его ассоциации с более бедными социоэкономическими классами и теми, у кого нет власти в обществе, креол неизменно рассматривался как разновидность языка-лексификатора, находящаяся по сравнению с ним на более низкой ступени развития. По причине того, что до 90% лексического состава может быть общим в креольском языке и языке-лексификаторе, противникам признания креольского в качестве самостоятельного языка легко за-

являть, что это вовсе не отдельный язык, а лишь «плохая» форма языка-лексификатора, что, на наш взгляд, представляется абсолютно неприемлемым.

Известно, что классическая модель стандартизации предполагает стадию «выбора диалекта», на которой один диалект являет собой основу для стандартного языка. В большинстве случаев там, где это исторически произошло (исключая недавние случаи стандартизации, которая вовлекала «интервенцию» лингвистов и государственных служб, имевшую место в некоторых развивающихся странах), «специальный» диалект является единственным, на котором говорят в «центре власти и авторитета».

«Королевский английский» — это не условность, то же самое можно сказать о «королевском кастильском», представленном А. де Небрихой в 1492 г.

Креольские языки и пиджины не вписываются в эту систему. Во-первых, они обычно не представлены в «центрах власти», в которых узурпан стандартный язык или язык-лексификатор. Во-вторых, число разновидностей, присутствующих в ситуации, когда контактируют пиджин/креольский язык и их лексификатор, создает сложности в выборе подходящего варианта для стандартизации. На первый взгляд базилект — разновидность, в наименьшей степени похожая на стандарт, — идеален для выбора, так как его нормы значительно отличаются от лексификатора. Остановившись на этой разновидности, мы, кажется, близки к решению проблемы дистанции. Однако это лишь создает новый клубок проблем: как идентифицировать «истинный базилект»? Тем более учитывая тот факт, что, как правило, большинство населения в любой стране не говорит на базилекте, как мы можем выбрать язык меньшинства в качестве базиса или стандарта?

Остановимся более подробно на анализе некоторых особенностей китайско-английского пиджина.

Китайско-английский пиджин — одна из самых «древних» разновидностей английского пиджина — лексификатора. Английский язык появился в Китае с открытием торговых путей между Китаем и Англией в 1664 г., и здесь «незамедлительно возникла разновидность английского пиджина — лексификатора» [2; 8]. Согласно точке зрения Р.А. Холла, англичане определили китайский язык как неизучаемый, в то время как китайцы не хотели учить язык иностранцев, но были готовы учить «упрощенную» форму английского языка. Таким образом, пиджин английского служил интересам обеих сторон, которые «хотели держать друг друга на расстоянии вытянутой руки» [2; 8]. Дж. Холм отмечает, что китайцам было запрещено учить своему языку иностранцев, «ибо для них считалось удобным иметь возможность общаться во время торговых сделок друг с другом по-китайски, чтобы иностранцы ничего не поняли» [3. С. 512].

Китайско-английский пиджин может уходить корнями в «ранний португальский пиджин», который использовался в португальской колонии Монако приблизительно в 1555 г., так как «некоторые из ранних отрывков китайско-английского пиджина... похожи больше на португальский, чем на английский» [3. С. 514].

Китайско-английский пиджин употреблялся в основном в Китае приблизительно до 1843 г., когда Британия выиграла войну с Китаем и заставила китайцев

открыть несколько портов для иностранной торговли. Так китайско-английский пиджин распространился вдоль побережья Китая в XIX в. Его расцвет или «классический период» продолжался вплоть до 1900 г.; с этой даты начинается его закат, ибо китайско-английский пиджин приобрел к этой дате статус «позорного пятна», что часто происходит с пиджинами, и китайцы стали учить стандартный английский. К. Винном [4] утверждает, что в Гонконге, последней британской колонии на китайском континенте, китайско-английский пиджин стал лингва франка среди китайцев с различной лингвистической основой. Китайский относится к языку с единой, древней системой письменности, но несколькими разговорными языками. Гонконг как «правильный тигль», который привлекал китайцев из различных частей, преимущественно — Кантон-говорящий, но здесь проживают и говорящие на других языках Китая. Следует подчеркнуть, что китайско-английский пиджин сейчас уже вышел из употребления даже в Гонконге. Можно констатировать, что он прошел полный «жизненный цикл» — от появления до исчезновения — около 300 лет.

Объем функций, который выполнял китайско-английский пиджин, был значительно сокращен. А. Бауэр [1] отмечает, что лексикон, состоящий из 750 слов, был достаточным для большинства говорящих на нем жителей. Дж. Холм [3] говорит о том, что абсолютное большинство слов пиджина было заимствовано из английского языка, но ассимилировалось к китайским фонотактическим правилам, т.е. к нормам китайской слоговой структуры.

Грамматически некоторые конструкции могут быть отнесены к китайским корням, например, использование *-pisi* ('piece') после числительных и указательных местоимений, которые повторяют употребление классификаторов числительных в китайском языке. Известно, что в китайском числительные и указательные местоимения непосредственно не предшествуют слову, которое они определяют. Взамен должен находиться классификатор. Какой классификатор должен использоваться, зависит от семантики существительного, которое он определяет: таким образом, один классификатор служит для «называния» листьев, бумаги и оконных стекол и рам, другой — карандашей, дудочек и дирижерских палочек. Китайско-английский пиджин не призван создавать семантику этой системы, но сохраняет применение *-pisi* при обозначении числительных и указательных местоимений.

Приведем пример китайско-английского пиджина (пример взят из книги А. Бауэра «Меланезийско-и-китайско-английский пиджин» [1]):

Foreigner. — Chin-chin fookkee?

F. — How do you do, John Chinaman [or friend]?

Chinaman. — Belly well, belly well. Chin-chin: whafo my no hab see taipan sot langim?

C. — Quite well, thank you, sir. How is it that I have not had the honour of seeing you for so long?

F. — My wanchee wun pay soo belly soon. Spose fookkee too muchee pigeon: no can maykee.

F. — I want a pair of shoes soon. But I fear you are too busy to make them for me now.

C. — Cando cando: whafo no can: no cazon feeloo: my sabbee belly well: can fixe alla popa.

F. — Wanchee maykee numba wun ledda: feeloo no hab eulop ledda?

C. — No cazon feeloo. Can skure hab numba wun popa ledda

F. — Patchee wun piece sulek insigh all popa; wanchee finis chopchop; can do?

C. — Can see, can sabee; skure you day afoo mollo: taipan can sen wun piece cooly come my sop look see.

F. (seeing a woman in the back part of the shop) — High ya, fookkee: my see insigh wun piecee wifoo. Dat you wifoo? My no sabee fookkee hab catchee wifoo. Tooloo?

C. — So fashion tooloo. Beefo tim wun moon, countee alla popa day, my catch dat piece wifoo.

C. — Most certainly I can. Why not? Don't be afraid of that. I am sure I can make them all right.

F. — I want a pair made of the best leather; but perhaps you are out of European leather?

C. — Don't be afraid of that. I can guarantee the leather to be the very best.

F. — Well, line them with silk nicely. I want them at once, if you can.

C. — I'll see. I promise you them the day after tomorrow. Please, sir, to send a servant to my shop for them.

F. — Well, friend, who is that woman inside there? Is that your wife? I did not know that you had got married. Is it so or not?

C. — Yes, sir, quite true. Last month, on the most auspicious day I could select, I married her

Изучение пиджинов и креольских языков у нас в стране только начинается. Безусловно, данная тема, в том числе относительно китайско-английского пиджина, требует специальных многочисленных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Bauer A.* Das melanesische und chinesische Pidginenglish. — Regensburg: Verlag Hans Carl, 1974. — 255 p.
- [2] *Hall R.A.* Pidgin and Creole Languages. — London: Cornell University Press, 1966. — 179 p.
- [3] *Holm J.* Pidgins and Creolles. — Cambridge: Cambridge University Press, 1989. — Vol. II. — 530 p.
- [4] *Whinnom K.* 'Linguistic Hybridization and the 'Special Case' of Pidgins and Creolles' // Pidginization and Creolization of Languages. — Cambridge: Cambridge University Press, 1971. — Pp. 91—116.

PIDGINS AND CREOLLE LANGUAGES: PERSPECTIVES OF DEVELOPMENT

N.F. Mikheeva

Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted the issues of new language variety occurrence — pidgins and creolle languages, its status, differences and development perspectives.

Key words: language variety, pidgin, creolle language, language-lexificator, basilect, standardization.